

Максим Горький

Вечер у Шамова

Максим Горький
Вечер у Шамова

«Public Domain»

1916

Горький М.

Вечер у Шамова / М. Горький — «Public Domain», 1916

«По субботам у Максима Ильича Шамова собираются лучшие люди города и разные «интересные парни», – я причислен к последним и поэтому тоже охотно допускаюсь на субботы Шамова. Эти вечера для меня, как всеобщая для верующего. Люди, которые служат ее, во многом чужды мне; мое отношение к ним – мучительно неясно: нравятся они мне и – нет, восхищают и – злят; иногда хочется сказать им слова сердечно-ласковые, а – через час – мною овладевает нестерпимое желание нагрубить этим красивым дамам, приятным кавалерам. Но я всегда отношусь благоговейно к мыслям и словам этих людей, их беседа для меня – богослужение...»

Максим Горький

Вечер у Шамова

По субботам у Максима Ильича Шамова собираются лучшие люди города и разные «интересные парни», – я причислен к последним и поэтому тоже охотно допускаюсь на субботы Шамова.

Эти вечера для меня, как всенощная для верующего. Люди, которые служат ее, во многом чужды мне; мое отношение к ним – мучительно неясно: нравятся они мне и – нет, восхищают и – злят; иногда хочется сказать им слова сердечно-ласковые, а – через час – мною овладевает нестерпимое желание нагрубить этим красивым дамам, приятным кавалерам. Но я всегда отношусь благоговейно к мыслям и словам этих людей, их беседа для меня – богослужение.

Мне двадцать один год. Я чувствую себя на земле неуютно и непрочно. Я – точно телега, неумело перегруженная всяким хламом; тащит меня куда-то, неведомым путем, невидимая сила, и вот-вот опрокинусь я на следующем повороте дороги.

Я очень много и упрямо вожусь сам с собою, стараюсь поставить себя возможно тверже среди нелепых и обидных противоречий, которые отовсюду бьют и толкают меня, часто доводя до болезненного состояния, близкого буйному безумию. Года полтора тому назад я до того устал от этой возни, что пытался покончить с собою – всадил себе в грудь пулю из отвратительного, неуклюжего тульского револьвера, – такими револьверами в свое время вооружали барабанщиков. Эта глупая и нечистоплотная выходка вызвала у меня к себе самому чувство некоторого недоверия и почти презрения.

Теперь я живу в саду у пьяного попа, в хижине над грязным оврагом; эта хижина раньше была баней.

В двух низеньких комнатах ее стоит запах мыла и прелых веников, – гнилой запах, отравляющий кровь. Углы комнат промерзают насквозь, – в этом жилище даже мышам холодно и плохо, – ногами они залезают ко мне на постель.

Вокруг бани густо разросся одичавший малинник, в непогоду его цепкие прутья стучат в окна, царапают черные, кривые бревна стены. Я живу бедно и дико, в неясных мечтах о какой-то другой, светлой и легкой жизни, о рыцарской любви, о высоких подвигах самоотвержения. Печатаю в плохонькой местной газете косноязычные рассказы и убежден, что печатать их – не следует, что ими я оскорбляю литературу, которую люблю страстно, как женщину. Но – печатаю. Надобно есть.

В гостиной Шамова я забываю о себе; сижу где-нибудь в углу, в тени, и жадно слушаю, весь – одно большое, чуткое ухо. Здесь всё – от мебели до людей – как-то особенно интересно, красноречиво, и всё обито ласковым, почти солнечным светом ярких ламп, затененных оранжевыми абажурами.

Со стен, тепло-светлых, смотрят глаза Герцена, Белинского, я вижу нечеловечье лицо Бетховена, мне улыбается улыбкой озорника бронзовый Вольтер, и всех заметнее, всего милей – детская головка Сикстинской Мадонны. В углу, за пальмой, возвышается – точно в воздухе стоя – Венера. Всюду – масса каких-то бесполезных вещей, но все они, в этой большой, уютной комнате, являются необходимыми; каждая – точно слово в песне. Драпировки на окнах и дверях пропитаны запахом духов и хорошего табака. Кое-где поблескивает золото рам, напоминая о церкви, и все люди, скромно одетые в темное, точно сектанты в тайной молельне.

Говорят они легко и ловко, как будто бегают на коньках, капризно рисуя замысловатые узоры слов; всех громче и увереннее звучит баритон адвоката Ляхова, – это высокий, стройный человек с острой бородкой, излишне удлиняющей его бледное светлоглазое лицо. Говорят, что он – великий распутник, мне кажется, это так и есть: он смотрит на женщин глазами хозяина, как будто каждая из них была или будет горничной его.

Уже все собрались и сообщили друг другу городские новости, – новостей мало, и они ничтожны: губернаторша сказала дерзость прокурору, супруг ее снова, по привычке, превысил пределы своей власти, купцы в думе наговорили чепухи по школьному вопросу, богатый мельник Самородов избил сноху, застрелился земский статистик, доктор Дубков снова развелся с женой.

Теперь философствуют о народе, государстве; начальственно звучит голос самоуверенного Ляхова:

– Когда пред нами откроется свободный путь к сердцу народа...

– Кто же откроет вам этот путь? – насмешливо перебивает речь Асеев, маленький, горбатый инженер с глазами великомученика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.